

Предатель, спотыкаясь, рванул к околице. По пятам за ним неслась разъярённая толпа деревенских. Пущенный кем-то камень тяжело прилетел под колено — беглец пошатнулся, едва не рухнул, но упрямо потащил своё тело дальше. Ему бы только добраться до подножия гор, там, в зелёных складках леса, его уже никто не найдёт.

— Держи его! Уйдёт же, гад! Всех наших выдаст! — зычно крикнул старик.

Слова его послужили сигналом: град камней обрушился на спину беглеца. Силы оставили изменника. Он повалился в грязь и, жалко скуля, умоляюще сложил ладони. Сельчане на миг замерли, опустив руки, но стоило им сделать шаг вперёд, как побитый пёс резко крутанулся на коленях, совершая отчаянную попытку удрать.

Из вторых рядов свистнул увесистый голыш. С глухим стуком он угодил предателю прямо в затылок. Тот мешком рухнул ниц.

— Ах ты гнида! Бей его! Забей тварь!

Камни посыпались с новой силой. Он дёрнулся в короткой судороге и затих.

Староста осторожно шагнул вперёд, чтобы проверить, дышит ли враг. Но изменник, собрав последние крохи жизни, внезапно вскинул руку с пистолетом. Грянул выстрел. Старик покачнулся, хватаясь за грудь.

— Хотели меня пришибить?.. — прохрипел предатель, захлёбываясь кровью. — Хрен вам... Заберу старого с собой...

Он замер с остекленевшим взглядом, и его голова бессильно упала в дорожную пыль. Староста, подкошенный тяжёлым ранением, рухнул рядом — пожилой человек не выдержал удара.

— Стоп! Снято!

Массовка всё ещё пребывала в ярости и скорби — магия момента не отпускала людей. Впрочем, съёмочную группу это волновало мало: у них горели сроки, и рупоры уже вовсю разносили команды готовить следующую сцену. «Погибший» староста, которого только что бережно уложили на носилки, бодро вскочил на ноги прямо за декорациями, отчего одна из стоявших рядом пожилых актрис весело расхохоталась:

— Ну и ну! Сколько лет в массовке маюсь, а чтобы меня так за душу взял обычный статист — впервые вижу!

Линь Ин лишь тихонько хмыкнул, послушно замирая под руками гримёрши, которая принялась стирать с его лица липкую бутафорскую кровь. В этот момент к нему подошёл помощник режиссёра:

— Хорош, чертяка! Как звать-то тебя?

— Линь Ин. Выпускник Пекинской киноакадемии.

Помреж тут же всё понял — мол, теперь всё встало на свои места.

— Сразу видно школу. Давай, парень, старайся. Далеко пойдёшь.

Поблагодарив съёмочную группу, Линь Ин заглянул к кассиру. За сегодняшнюю смену ему причиталась хрустящая красная купюра в сто юаней и пластиковый бокс с рисом и куриной ножкой. Отыскав тихое местечко на бетонных ступенях закрытой лавчонки, он с аппетитом принялся за еду.

Неподалёку, на другой съёмочной площадке, Цинь Чжэнь и Сюй Мин раз за разом запарывали дубли. Линь Ин, наблюдая за их мучениями, не выдержал и злорадно прыснул, едва не поперхнувшись рисом.

Тамошний режиссёр уже откровенно терял терпение. Раздражённо матюкнувшись, он объявил короткий перерыв. Будучи простыми статистами, Цинь Чжэнь и Сюй Мин не имели права покидать площадку и уныло топтались у декораций. Линь Ин подгадал момент, уселся так, чтобы они его видели, и с самым издевательским видом помахал им куриной ножкой, после чего демонстративно откусил сочный кусок. Сюй Мин аж зубами закрипел от досады, а Цинь Чжэнь беззлобно погрозил другу кулаком, беззвучно артикулируя: «Катись отсюда!»

Примерно через час Линь Ин очнулся от лёгкой полуденной дрёмы. Стоило ему приоткрыть глаза, как прямо перед собой он увидел чьё-то испещрённое морщинами лицо.

"Эй, дедушка Чжоу-гун, я уже проснулся, можешь забирать свои сны и уходить"

Вместо этого он мгновенно натянул на лицо безупречную улыбку в тридцать два зуба и замер, уставившись на незваного гостя. Он перестал улыбаться, а внутри у Линь Ина всё так и вопило:

"Мамочки! Ну и жуть! Режиссёр Фан, старый вы проказник, зачем подглядывать за тем, как спят красивые парни?!"

В голове лихорадочно завертелись мысли о том, как бы повыгоднее себя подать. А как иначе? Фан Чжисин — живая легенда отечественного кинематографа, непререкаемый авторитет. При первой встрече с такой величиной не занервничал бы разве что покойник.

— Ха-ха-ха! Не бойся, парень, я не кусаюсь, — добродушно рассмеялся Фан Чжисин.

Выглядел он при этом точь-в-точь как хитрый вербовщик, собирающийся предложить сомнительную сделку.

"Знаете, уважаемый, прямо сейчас вы очень похожи на подозрительного типа"

— Кхм, здравствуйте, режиссёр Фан. Чем обязан? — Линь Ин быстро взял себя в руки, и его лицо приняло совершенно естественное, открытое выражение.

С этим стариком лучше не лукавить и вести себя проще — в индустрии все знали, что Фан Чжисин терпеть не мог фальши и загорался новыми идеями в самый непредсказуемый момент.

— Узнал меня, значит? — Фан Чжисин довольно погладил окладистую бороду. В его голосе проскользнули нотки старческого тщеславия.

— Ну как же. Я видел вас сегодня утром на площадке, — Линь Ин выдержал театральную паузу и, заметив заинтересованность собеседника, уважительно продолжил: — К тому же в академии профессора на лекциях постоянно ставили ваши картины в пример как эталон режиссуры. Да и о вашем характере слагают легенды. Если сложить это с вашей весьма приметной внешностью, трудно было не догадаться.

Лесть была тонкой и попала точно в цель — старик так и расплылся в довольной улыбке.

Фан Чжисин заприметил этого «предателя» ещё во время утренних съёмок. Тогда режиссёр пребывал в скверном расположении духа из-за кастинговых неурядиц, но тут до него долетел разговор ассистентов о том, что какого-то парня сейчас будут эффектно забивать камнями. От нечего делать Фан Чжисин решил взглянуть на сцену — и не прогадал. Сначала этот юнец забавно валял дурака за кадром, а стоило прозвучать команде «Мотор!», как он мгновенно преобразился в мерзкого, цепляющегося за жизнь коллаборациониста. Фан Чжисин сразу понял: этот типаж идеально подойдёт на одну из эпизодических ролей в его следующем проекте. Оставалось лишь проверить, каков малый в общении. То, что парень оказался профессиональным актёром с отличной школой и гибкой индивидуальностью, стало приятным сюрпризом. А главное — льстить он умел чертовски изящно.

— Контракт с агентством есть? — деловито спросил режиссёр.

— Нет, пока свободен, — покачал головой Линь Ин.

Он прекрасно понимал: участие в шоу «Новая звезда народа» свяжет его по рукам и ногам, и поработать с Фан Чжисином сейчас вряд ли удастся, поэтому держался абсолютно спокойно. Фан Чжисин же истолковал это олимпийское спокойствие по-своему — как редкую для зелёного новичка зрелость духа.

"Определённо, перспективный малый"

— Сегодня среди массовки мелькали весьма недурные лица. Вы пришли вместе? — неожиданно сменил тему Фан Чжисин.

Резкий переход на мгновение сбил Линь Ина с толку. Он кивнул, лихорадочно соображая, куда клонит старик.

— Как зовут-то?

— Линь Ин.

Парень понимал, что аудиенция подходит к концу. Проект, над которым сейчас работал Фан Чжисин, уже был запущен в производство, актёрский состав набран, и набиваться на проходные роли безликих статистов не имело никакого смысла.

— Не хочешь прогуляться до моей площадки? Осмотреться? — неожиданно предложил режиссёр.

Такого поворота Линь Ин не ожидал.

— Почесть за счастье, режиссёр Фан.

Линь Ин метким броском отправил пустой бокс из-под обеда в урну и последовал за мэтром на съёмочную площадку его новой масштабной драмы о войне.

Судьба — штука капризная: порой она совершает крутой вираж именно тогда, когда ты меньше всего этого ждёшь, и довериться её течению оказывается лучшим решением. Но иногда она любит разыграть классическую шутку, финал которой ты предвидишь с точностью до секунды.

— Режиссёр Фан, вы вернулись?

К ним поспешил Лу Кэ, бережно держа в руках бутылку минералки. На нём была новенькая, с иголки, форма бойца Восьмой армии. Солнечные блики мягко подсвечивали его лицо; искусный грим заметно сгладил природную резкость черт, придав облику необходимую по сценарию юношескую хрупкость и наивность.

Линь Ин мысленно усмехнулся с привкусом горечи. У Лу Кэ от природы были довольно хищные, резкие черты лица, но из-за полного отсутствия харизмы и актёрского мастерства гримёрам каждый раз приходилось часами «замыливать» этот рельеф, чтобы он не выглядел фальшиво. В прошлой жизни Линь Ин из кожи вон лез, подбирая для него характерные роли «на вырост», но капризный Крольчонок вечно дул губы, заявляя, что эти эпизоды недостойны

его таланта. А сам Линь Ин, ослеплённый заботой, шёл у него на поводу — мол, пока я рядом, незачем моему мальчику надрываться. Что ж, медвежья услуга вышла на славу.

Фан Чжисин этого смазливового юнца недолюбливал. Внять его кандидатуре пришлось исключительно по настоянию инвесторов — благо роль была незначительной, чисто декоративной.

— А, Сяо Лу. Устал сегодня? Иди отдохни, на сегодня твоих сцен больше не планируется, — сухо обронил режиссёр.

В его тоне отчётливо читалось: «Иди и как следует порепетируй текст, чтобы завтра не сорвать нам смену».

Лу Кэ на миг обиделся, но он тут же справился с собой и вежливо, с готовностью кивнув, поспешил удалиться. Линь Ин проводил его взглядом и заметил, что семенивший следом ассистент — не кто иной, как Сяо Сун. Что ж, вполне ожидаемо. Пазл сложился.

— А-Ин, не отставай, — окликнул парня Фан Чжисин, заметив, что тот притормозил.

Лу Кэ от этого ласкового «А-Ин» замер как вкопанный и медленно, с заметным усилием обернулся. Но Линь Ин даже не взглянул в его сторону — он уже уверенно шагал вслед за режиссёром.

Лу Кэ судорожно вцепился в плечо Сяо Суна, пытаясь выровнять дыхание.

— Всё в порядке, Лу-гэ, тихо... Пойдём лучше в тень, присядешь, — зашептал ассистент.

Сяо Сун сам не успел разглядеть, кого именно вёл за собой Фан Чжисин, но отчётливо услышанное имя заставило его внутренне содрогнуться. Впрочем, он умел держать лицо куда лучше своего капризного подопечного.

В тишине режиссёрского вагончика Фан Чжисин протянул Линь Ину увесистую папку.

— Держи, полистай на досуге. Мне кажется, тут есть персонаж, который сядет на тебя как влитой. Обрати внимание на Чэнь Цзюньмина.

История оказалась на удивление тонкой и атмосферной. Судя по всему, это был сценарий приквела к той картине, которую Фан Чжисин снимал прямо сейчас. Подобную наглость — готовить приквел, когда основная лента только зашла на первый круг съёмки — мог позволить себе только он. Чистая, абсолютная уверенность в грядущем триумфе.

Сюжет вращался вокруг компании студентов из самых разных социальных слоёв. Вчерашние наивные мальчишки постепенно проникались революционными идеями и в финале делали свой главный выбор — уходили на фронт. Центральной фигурой повествования выступал Сюй Чжигуан — классический идеалист из интеллигентной семьи среднего достатка. Поначалу он грезил лишь о карьере успешного коммерсанта, но лекции харизматичного профессора перевернули его сознание. Сюй Чжигуан загорелся идеей спасения родины и увлёк за собой однокашников.

Чэнь Цзюньмин был его полной противоположностью. Наследник богатого клана, он стал первым соратником Сюя — их сблизило совместное студенческое дельце, мелкое предпринимательство, быстро переросшее в крепкую дружбу. На протяжении всего приквела Чэнь Цзюньмин оставался фигурой неоднозначной, вечно балансирующей на грани света и тени. Он то и дело подвергал сомнению фанатичную веру Сюй Чжигуана. Именно его жёсткие споры с главным героем служили катализатором раскрытия характеров остальных ребят. В этих ранних идеологических стычках уже тогда угадывался будущий раскол — предвестник того, что их пути разойдутся навсегда.

Сюй Чжигуан верил в силу народных масс и видел себя их лидером. Чэнь Цзюньмин, напротив, признавал лишь реформы сверху, полагая, что любые изменения должны направляться элитой. В их тесном кружке Чэнь всегда оставался белой вороной — прагматиком среди идеалистов. Он обладал собственным видением будущего, но предпочитал держать мысли при себе до поры до времени. Тонкие намёки в сценарии давали понять: этот холёный барчук далеко не так прост, как хочет казаться.

К финалу приквела герои так и не пришли к согласию. Текст был написан удивительно плотно, но при этом оставлял приятное недосказанное послевкусие, заставляя судорожно переворачивать страницы в поисках продолжения. Линь Ин мягко закрыл папку. Пьеса была превосходна, но для обычного развлекательного шоу такой материал казался слишком сложным, многоуровневым. Приквел не просто заполнял лакуны — он дышал самостоятельной, глубокой драмой.

— Потрясающая вещь. Снаружи — обманчивая гладь, а внутри — бурлящие течения, — негромко произнёс Линь Ин.

Сейчас он не был тем всемогущим продюсером из прошлой жизни, а потому понимал: простому конкурсанту не пристало умничать перед великим режиссёром и демонстрировать глубокое знание внутренней кухни.

— Смертно хочется узнать, что будет дальше.

Фан Чжисин слушал внимательно, не выдавая эмоций.

— Расскажи, каким ты видишь Чэнь Цзюньмина.

Линь Ин не стал спешить с ответом. Он снова открыл сценарий, пробежал глазами ключевые

сцены с участием персонажа, зацепился за скрытые маркеры его истинной биографии и лишь затем заговорил:

— Богатый наследник, примкнувший к революционному движению даже раньше, чем Сюй Чжигуан. Но, в отличие от Сюя, он хладнокровен и расчётлив. Каждый его шаг — будь то студенческая лавка или последующий выбор политического лагеря — выверен до миллиметра. Единственная системная ошибка в его уравнениях — сам Сюй Чжигуан, отказавшийся играть по его правилам. Чэнь честно пытался принять аргументы друга, но прагматизм победил: народная стихия казалась ему слишком хаотичной и опасной. Он ставит на систему, потому что знает, как управлять её шестерёнками.

Линь Ин сделал небольшую паузу, давая режиссёру прочувствовать образ, и добавил:

— Он чертовски уверен в себе, это граничит с гордыней. Он ценит дружбу, но никогда не позволит ей встать на пути к цели. Это человек-вектор. Он виртуозно разыгрывает любые карты, которые сдаёт ему жизнь. Но есть одно «но»: он слишком твёрд. А то, что не гнётся, под ураганом обычно ломается.

Фан Чжисин просиял. Именно такого глубокого прочтения он и ждал от актёра. Старик и не подозревал, что перед ним сидит мастер с колоссальным багажом из прошлой жизни.

— А теперь взгляни на это, — мэтр протянул ему ещё одну папку — сценарий текущих съёмок.

— Продолжение? — Линь Ин взял сценарий и сразу перелистнул его к финалу.

В самом конце, буквально в паре сцен до титров, значился примечательный эпизод: в кадре появлялся высокопоставленный военный чин. Мужчина держал в руках письмо, адресованное Чэнь Цзюньмину, за подписью одного из лидеров сопротивления. Это было единственное упоминание персонажа во всей картине.

— И как ты догадался, что у Чэнь Цзюньмина здесь нет живых сцен? — Фан Чжисин с нарастающим восторгом уставился на юношу. Парень раскрывался перед ним как редкий алмаз.

Не мог же Линь Ин признаться, что заучил этот сценарий наизусть ещё в своей прошлой жизни. Он лишь обезоруживающе улыбнулся и ткнул пальцем в титульный лист:

— На обложке в списке действующих лиц его имя отсутствует. Да и согласитесь, за приключениями Сюй Чжигуана наблюдать куда интереснее. Чэнь Цзюньмин слишком идеален, у него всё разложено по полочкам и идёт по плану. А Сюй постоянно влипает в неприятности и ищет выходы — чистый живой драйв.

Фан Чжисин согласно кивнул. Этот малый определённо чертовски хорош.

— Ну а теперь ответь: ты понял, к чему я клоню?

<http://bllate.org/book/20457/2132221>